

Именные причинные конструкции в малокарачкинском говоре чувашского языка

Наталья Михайловна Заика

Институт лингвистических исследований РАН

Целью настоящей работы является описание дистрибуции именных причинных конструкций в малокарачкинском диалекте чувашского языка¹. Исследование проводилось с опорой на анкету [Сай (в печати)].

В литературном чувашском языке причина может выражаться с помощью таких падежей, как каузалис, инструменталис и аблатив, а также послелогов *кура*, *пирки*, *пула* [Андреев 1957, Павлов 1957; Иванова 2010, 2011]. Дистрибуции вышеупомянутых показателей, как правило, уделяется мало места в грамматических описаниях. Падежная система в диалектах чувашского языка считается достаточно однородной [Александрова 2009], поэтому неудивительно, что в исследуемом нами диалекте в причинном значении были зафиксированы те же падежные показатели и послелоги, что и в литературном языке (с точностью до фонологических особенностей диалекта). Однако выяснилось, что, кроме них, причинное значение может выражать послелоги *çine*, *tərək* и *pəksan* (по происхождению нефинитная форма глагола со значением 'смотреть', уже отчасти десемантизированная).

Для многих причинных контекстов была зафиксирована достаточно большая вариативность показателей, как в рамках конкретного идиолекта, так и между носителями. Несмотря на это удалось установить некоторые тенденции в дистрибуции причинных показателей. Объективные непосредственные причины в малокарачкинском выражаются преимущественно инструменталисом и аблативом, каузалис кодирует причину при предикатах со значением наказания и награждения (1). Послелог *pergi* чаще выражает внешнюю причину (как благоприятную, так и неблагоприятную), а *pola* — внешнюю благоприятную. Слабограмматикализованный показатель *pəksan* кодирует эпистемическую причину (2), *tərək* — логическую, *kora* способен кодировать как эпистемическую, так и логическую причину.

В ряде случаев можно заподозрить калькирование актантной рамки из находящегося в контакте с чувашским русского языка. Так, в примере (3), причина кодируется послелогом *çine*, восходящим к локативному имени со значением 'поверхность' (ср. в русском переводе употребление предлога *на* с базовым пространственным значением).

По сравнению с русским и по крайней мере некоторыми другими языками, исследованными ранее, для чувашского характерно использование нефинитных глагольных форм в тех контекстах, где в других языках фиксируются именные группы. Во-первых, в причинном значении могут употребляться причастия прошедшего времени в инструменталисе, преимущественно, с предикатами эмоций (4), деепричастия одновременности (5), а также конструкции, в которых свернутая ситуация, выраженная в стимульном предложении, оказывается развернутой (6).

¹ Исследование поддержано грантом РНФ «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», № 18-18-00472. Данные, на которых было основано исследование, были собраны в селе Малое Карачкино Чувашской республики в экспедиции под руководством М. А. Холодиловой. Формы приводятся в фонематической транскрипции, также разработанной под руководством М. А. Холодиловой.

